

Anna Bednarczyk
Uniwersytet Łódzki

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ТАДЕУША РУЖЕВИЧА В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ)

Three poems by Tadeusz Różewicz in Russian Translation (Translation and Comments)

ABSTRACT: The article deals with the contemporary translation of Tadeusz Różewicz's poems into Russian. Regardless of the fact that some of his poetry had already been translated and published, new times and new readers need new translations. The considerations presented in the article refer precisely to them. Taken into account were primarily the translations of a generation of contemporary translators for an international competition on the translation of Różewicz's poems, announced in 2013 by the foundation 'For your freedom and ours'. The translations of three poems by the Polish poet have been considered: *Words, In the light of flickering lamps* and *Such is the master*, works frequently chosen by the winners of the said competition. In particular the analysis regards the saturation of the poems with cultural realities and inter-textual elements. Therefore, comments and some translators' notes accompanying the translations were taken into account, ones defining their approach to the translation and the translated text itself. The considerations confirmed the need to activate the cognitive function of translation in modern translations – the purpose of the mentioned comments – but also to pay attention to the problems of translating free verse into Russian.

KEYWORDS: Różewicz, poetry, translation, competition, commentary

Вступительное слово – конкурс на перевод

Тадеуша Ружеви́ча в России переводили известнейшие переводчики польской поэзии. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно перечислить фамилии Давида Самойлова, Владимира Британишского, Бориса Слуцкого, Александра Ревича или Асара Эппеля. Стихотворения Ружеви́ча печатались в антологиях польской поэзии, например, в собрании польской поэзии, редактором которой

стали Владимир Британишский и Наталья Астафева¹, в том редактированном Андреем Базилевским², а также в литературных журналах³. Издавались и отдельные сборники с поэзией Ружевича, отметим здесь *Беспокойство*, изданное в 1963 г.⁴, и *Избранную лирику* – переводы Владимира Бурича⁵. Печатались проза и драматургия⁶. Однако, так как целью настоящего вступительного слова является прежде всего засвидетельствовать о популярности польского поэта и о существовании переводов его произведений еще в период СССР, мы не будем перечислять здесь всех изданий его работ в Советском Союзе и в России, тем более что нами будут рассматриваться всего лишь три стихотворения Ружевича и их современные переводы.

Возвращаясь к популярности польского поэта в России, заметим, что она не слабеет, о чем свидетельствуют новые переводы, в том числе двуязычное вроцлавское издание с послесловием Британишского *Ружевич по-русски*⁷, а также международный конкурс на перевод стихотворений Ружевича, организованный в 2013 г. фондом „Za wolność naszą i waszą”. Это был второй такого рода конкурс – первым был конкурс на перевод стихотворений Чеслава Милоша. Одна из его лауреатов, поэтесса Екатерина Полянская, на вопрос Наталии Перевезенцевой, переводится ли с польского легче, чем с английского или немецкого языков, ответила:

Ничего не могу сказать о трудностях перевода с английского или немецкого – не пробовала. Но близость польского и русского языков при всей их внешней похожести обманчива. Особенно это проявляется при переводе стихов. Жесткое ударение, мало мужских рифм, другое строение стиха. Даже рифмованный стих ближе к силлабическому, чем к силлаботоническому. А неуловимая ироничность польских стихов, как адекватно передать ее на русском?... Нет, не думаю, что переводить с польского проще⁸.

Все перечисленные Полянской черты польской поэзии можно заметить и у Ружевича. С точки зрения переводческих осложнений к ним стоит добавить еще многочисленные иноязычные вкрапления и насыщенность текста разными интертекстуальными соотношениями. Проблем оказывается довольно много, отсюда и желание присмотреться переводческим решениям, в том числе предложениям нового поколения переводчиков.

¹ Н. Астафьева, В. Британишский (ред.), *Польские поэты*, Москва 1978.

² А. Базилевский (ред.), *Польские поэты*, Москва 1990.

³ Т. Ружевич, *Стихи*, „Иностранная литература” 1978, № 5, с. 3-11.

⁴ Т. Ружевич, *Беспокойство (Стихи)*, Москва 1963.

⁵ Т. Ружевич, *Избранная лирика*, перевод. Вл. Бурич, Москва 1980.

⁶ Т. Ружевич, *Избранное (Поэмы, пьесы, проза)*, Москва 1979.

⁷ Т. Ружевич, *На поверхности поэмы и внутри*, Wrocław 2001.

⁸ Е. Полянская, *Польский Петербург. Дуэль или диалог?* С Екатериной Полянской, автором пяти поэтических книг, лауреатом нескольких премий, беседует Наталья Перевезенцева, „Когита! ру” 2013, [в:] <http://www.cogita.ru/polskii-peterburg/intervyu/duel-ili-dialog> (4.05.2019).

В этом месте мы посвятим пару слов именно молодым переводчикам и, в частности, тем, кто принял участие в упомянутом нами конкурсе. Конечно не всем, так как в нем приняло участие 122 переводчика, любителей и профессионалов, среди которых были также профессиональные литераторы, в том числе поэты. Лауреатами конкурса стали десять участников. Первый приз получил Владимир Окунь из Самары, который, кстати, два года спустя повторил этот успех, участвуя в конкурсе на перевод поэзии Виславы Шимборской, где он покорила две сотни переводчиков. Отметим также, что в 2011 г. Окунь стал лауреатом в конкурсе на перевод стихотворений Милоша. Этот переводчик, родившийся в 1955 г. и печатающийся в Интернете, где иногда использует псевдоним Владимир Орданский, или Владимир О., пишет о себе: «живу в Самаре, по образованию инженер, по интересам, скорее, филолог или лингвист»⁹. Он писатель, поэт, переводит с нескольких языков. На сайте «Сетевая словесность» можно прочитать, что жил в Польше несколько лет, благодаря чему выучил польский язык¹⁰. Для интересующего нас конкурса Окунь перевел стихотворения: *budzik, serce podchodzi do gardła, wieczny powrót, w świetle lamp filujących, klocek, w hotelu* и поэму *tempus fugit*¹¹.

Здесь стоит отметить, что лауреаты конкурса чаще всего (шестикратно) переводили *słowa* (Лев Оборин¹², Анастасия Векшина¹³, Вера Виногорова¹⁴, София Кобринская¹⁵, Екатерина Полянская¹⁶ и Ольга Чалая¹⁷), *w świetle lamp*

⁹ В. Орданский, „Новая литература. Художественно-литературный журнал”, [в:] <http://newlit.ru/~ordanskiy> (4.05.2019).

¹⁰ В. Орданский, „Сетевая словесность”, [в:] <https://www.netslova.ru/ordansky> [в:] (4.05.2019).

¹¹ Т. Ружевиц, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. В. Окунь, 2013, [в:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Владимир-ОКУНЬ-Самара.pdf>, (4.05.2019). Далее все конкурсные переводы Окуня согласно этому изданию.

¹² Т. Ружевиц, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. Л. Оборин, 2013, [в:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Лев-ОБОРИН-Москва.pdf>, (4.05.2019). Далее все переводы Оборина согласно этому изданию.

¹³ Т. Ружевиц, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. А. Векшина, 2013, [в:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Анастасия-ВЕКШИНА-Москва.pdf>, (4.05.2019). Далее все переводы Векшиной согласно этому изданию.

¹⁴ Т. Ружевиц, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. В. Виногорова, 2013, [в:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Вера-ВИНОГорова-Санкт-Петербург-Белосток.pdf>, (4.05.2019). Далее все переводы Виногоровой согласно этому изданию.

¹⁵ Т. Ружевиц, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. С. Кобринская, 2013, [в:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Софья-КОБРИНСКАЯ-Одесса.pdf>, (4.05.2019). Далее все переводы Кобринской согласно этому изданию.

¹⁶ Т. Ружевиц, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. Е. Полянская, 2013, [в:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Екатерина-ПОЛЯНСКАЯ-Санкт-Петербург.pdf>, (4.05.2019). Далее все переводы Полянской согласно этому изданию.

¹⁷ Т. Ружевиц, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. О. Чалая, 2013, [в:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Ольга-ЧАЛАЯ-Вроцлав.pdf>, (4.05.2019). Далее все переводы Чалой согласно этому изданию.

filujących (кроме Окуня также Векшина, Виногорова, Кобринская, Полянская и переводческий дуэт Елена Калявина – Александр Ситницкий¹⁸) и *co zobaczył Akwinata* (совместно Ярослава Ананко и Генрих Киршбаум¹⁹, а также Виногорова, Калявина с Ситницким, Кобринская, Полянская и Чалай). Пятеро лауреатов (Окунь, Векшина, Полянская, дуэт Ананко – Киршбаум и Константин Русанов²⁰) решили перевести поэму *tempus fugit*. Кроме того несколько стихотворений, в том числе *taki mistrz* (Виногорова, Кобринская, Полянская, Чалай) получило четыре польских варианта. У последнего из упоминаемых произведений имеется также несколько «внеконкурсных» современных переводных вариантов, к слову сказать, версия победителя конкурса – Окуня.

Стоит еще упомянуть, что кроме Окуня, лауреатами конкурсов, организуемых фондом „Za wolność naszą i waszą”, стали также в 2011 г.: Векшина, Оборин и дуэт Ананко-Киршбаум, которые завоевали второй приз, а в 2015 г.: дуэт Калявина-Ситницкий, Векшина, Виногорова и Кобринская. С нашей точки зрения, повторяющиеся имена лауреатов свидетельствуют о высоком качестве выполняемых ими переводов, подтверждением чего являются и печатанные как в Интернете, так и «на бумаге» русскоязычные варианты.

Здесь мы попытаемся дать краткую характеристику интересующих нас переводчиков, пытаясь ответить на вопрос: кем являются молодые переводчики поэзии Ружевича? Большинство из них, точно так же, как и Окунь, известны как писатели, поэты и переводчики, чаще всего с польского и с английского языков, но и с других, напр., Русанов переводит с литовского и с русского, Полянская с сербского. Большинство из них родились в 70-80-е годы минувшего века. Самыми старшими являются Ситницкий, рожденный в 1948 г. и проживающий сегодня в США, и Виногорова, которая родилась в 1953 г. и сегодня живет в Польше.

Лауреаты конкурса – представители разных профессий. Окунь, о чем уже упоминалось, инженер, точно как и Виногорова, которая в Польше работает журналистом и переводчицей. Журналистом (музыкальным) и литературным критиком является Оборин. Калявина закончила Киевскую консерваторию по классу фортепиано и Киевский институт переводчиков. В свою очередь, Киршбаум – литературовед, профессор славистики и переводчик с польского

¹⁸ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. Е. Калявина, А. Ситницкий, 2013, [в:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Елена-КАЛЯВИНА-Киев-и-Александр-СИТНИЦКИЙ-Маунтейн-Вью-США.pdf>, (4.05.2019). Далее все переводы Калявины и Ситницкого согласно этому изданию.

¹⁹ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. Я. Ананко, Г. Киршбаум, 2013, [в:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Ярослава-АНАНКО-Минск-Берлин-и-Генрих-КИРШБАУМ-Берлин.pdf>, (4.05.2019). Далее все переводы Ананко и Киршбаума согласно этому изданию.

²⁰ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. Русанов, 2013, [в:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Константин-РУСАНОВ-Николаев.pdf>, (4.05.2019). Далее все переводы Русанова согласно этому изданию.

и немецкого, живущий и преподающий в Германии. Филологом является также Векшина. За то Полянская закончила Петербургский государственный медицинский институт имени И.П. Павлова и несколько лет работала ортопедом. Сегодня она известна как поэтесса и переводчица, ее авторские стихи переводятся на другие языки, в том числе на польский, на который их переводил Марек Вавжкевич. В 2010 г. в интервью с Петром Станиславом Крулем, главным редактором журнала «InterMosty», Вавжкевич говорил о Полянской:

Wydałem taką antologię, w której znalazło się piętnastu poetów – od Olgi Bergolc, Wadima Szeferna, Michaiła Dudina do młodego pokolenia jak np. Jekatierina Polianskaja, która kilka lat temu przyjechała na Warszawską Jesień Poezji i zachorowała na ciężką i nieuleczalną chorobę. Mianowicie – zachorowała na Polskę. Nauczyła się naszego języka i jest obecnie jedną z najlepszych tłumaczek polskiej poezji²¹.

Стоит упомянуть, что Полянская не только не знала польского языка, но у нее нет также никаких «польских корней». В цитированном раньше интервью с Перевезенцевой она рассказывала как учила язык для того, чтобы прочитать привезенные из Варшавы книги, а после стала их переводить²². Данное интервью относилось и к интересующему нас конкурсу, и к работе переводчика. Итак, на вопрос о переводах стихотворений Ружевича, выполненных такими известными переводчиками, как Самойлов, Слуцкий и Британишский, она отвечает, что перед тем как приступить к переводу она не читает существующих уже русских вариантов. В свою очередь, отвечая на вопрос, является ли для нее перевод дуэлью или диалогом с автором подлинника, она говорит:

Чем больше поэт, тем более «авторскими» являются его переводы. Настоящий переводчик отказывается от себя. Даже если он пишет стихи, он понимает: ценность его переводов выше. Такими, мне кажется, были Анатолий Гелескул, Михаил Лозинский. Они писали неплохие стихи [...], но их переводы гениальны. Я не могу назвать себя переводчиком, потому что всегда переводила только то, что сама хотела [...]. Не знаю, смогла бы я перевести что-то чуждое мне, безразличное²³.

С точки зрения критика перевода данные слова довольно интересны. Учитывая указанный Полянской подход к трансляции, можно ожидать, что

²¹ S. Król, *Poetyckie malowanie świata*. Z Markiem Wawrzkiwiczem – poetą, tłumaczem, dziennikarzem, animatorem kultury, Prezesem Związku Literatów Polskich rozmawia Piotr Stanisław Król, red. nacz. InterMOSTY, czerwiec 2010 r., [w:] http://salonik-literacki.pl/rozmowy_z.html (7.04.2019).

²² Е. Полянская, *Польский Петербург...*

²³ Е. Полянская, *Польский Петербург...*

предлагаемые русскому читателю тексты окажутся не столько переводом, сколько переделкой. Из приводимой цитаты вытекает, что переводчица допускает такое модифицирование исходного текста, которое будет отвечать определенной ей цели и не столько ее переводческим, сколько поэтическим доминантам. В свою очередь, мы думаем о сохранении такого характера текста, который, во первых, ассоциируется с автором подлинника, а не с переводчиком, в то время как последний остается для читателя вторым автором, согласно предложению Анны Легежинской²⁴. Тем не менее, проверяя это, следует присмотреться переводам, награжденным на конкурсе и, что кажется нам существенным, тем из них, к которым Полянская добавляет комментарии, предназначенные для русского читателя, объясняющие не одни неизвестные целевому реципиенту реалии, но и способ перевода. Итак, опережая свои конкурсные переводы, она извещает будущего реципиента о том, что:

В переведённых текстах немецкие и латинские фразы принципиально не переводились на русский язык, поскольку они не переведены в оригиналах Ружевича. Однако, переводы этих фраз на русский язык, а также некоторые комментарии переводчика, всё-таки, даны в конце каждого стихотворения²⁵.

Комментарии к стихам Ружевича – между словом и интертекстом

Комментарии Полянской кажутся нам интересными также из-за того, что они довольно часто указывают ментальный процесс, происходящий во время перевода текста. Приведем, например, объяснение переводчицы к русскому варианту стихотворения *śłowa*:

будучи по специальности врачом, убеждена, что «*prókanie jamy ustnej*» должно здесь переводиться именно как «полоскание рта», так как дословный перевод «полоскание полости рта» является термином более специальным (медицинским) и в обычной русской речи, практически, не употребляется²⁶.

Данное высказывание касается цитируемых ниже слов, которые приводятся нами в конкурсном переводе Полянской и в вариантах других лауреатов конкурса:

²⁴ A. Legeżyńska, *Tłumacz jako drugi autor – dziś*, [w:] A. Nowicka-Jeżowa, D. Knysz-Tomaszewska (red.), *Przekład literacki. Teoria – Historia – Współczesność*, Warszawa 1997, с. 20-30.

²⁵ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. Е. Полянская...

²⁶ Там же.

T. Ruzewicz
słowa

słowa zostały zużyte
[...]

osłabione przez polityków służą
do wybielania zębów **do płuka-**
nia jamy ustnej

Перевод Л. Оборина

слова истрепаны

[...]

выхолощены политиками слу-
жат для отбеливания зубов **для**
полоскания полости рта

Перевод С. Кобринской все

слова истожились

[...]

испохабленные политиками
они годятся лишь для отбели-
вания зубов **для полоскания**
полости рта

Перевод Е. Полянской *слова*

слова поистрепаны
[...]

политиками ослабленные слу-
жат для чистки зубов **для**
полоскания рта

Перевод А. Векшиной

слова отработаны

[...]

ослабленные политиками слу-
жат для отбеливания зубов **для**
полоскания полости рта

Перевод О. Чалой

слова затаскали

[...]

подкошенные политикой слова
служат для отбеливания зубов
полоскания рта

Перевод В. Виногоровой

слова исковерканы

[...]

обесцененные политиками они
служат для полировки зубов
для полоскания горла

Интересно, что, кроме Полянской, пользующейся знаниями специалиста, определение „полоскание рта” использовала только Чалая. В свою очередь, Виногорова заменила полоскание рта полосканием горла, что вызывает ассоциации с простудой или ангиной. Данная замена образа влияет на смысл произведения в целом на много сильнее, чем эмоциональное модифицирование, наблюдаемое в случае замены „zużytych słów” поистрепанными, истрепанными, отработанными, исковерканными, затасканными, или же словами, которые истожились, что встречается в других переводах этого стихотворения. Точно так же в случае слов, ослабленных политиками, которые в русских вариантах заменили „выхолощенные”, „обесцененные”, „испохабленные” и „подкошенные” слова.

Отметим, что приведенный нами „специализированный” комментарий является единственным такого рода во всех рассматриваемых переводных вариантах. Однако, комментариями, не указывая на свою профессию, пользуются все переводчики Ружевича. В случае современной поэзии, избыточной интертекстуальными соотношениями, применение комментариев кажется нам необходимым, так как переводчик не может рассчитывать на читателя-эрудита. Даже если читатель отдает себе отчет в появлении в тексте ссылок на культурные реалии, у него может не хватать знаний для того чтобы понять все используемые автором подлинника намеки на исходную культуру. Мы можем, конечно, полагать, что читатель-эрудит будет терпеливо пробиваться сквозь гущу препятствий, поставленных на его дороге автором подлинника и обрадуется возможности покорять очередные головоломки. Остается, однако, вопрос

про роль, выполняемую переводом: является ли его основной целью воспроизведение художественной функции текста, или же его познавательной функции? Мы отдаем себе отчет в возможной потере эрудиционных качеств в случае перевода текста с высокой степенью интеллектуальности. И все-таки, в некоторых случаях мы считаем комментарии необходимыми, что попытаемся доказать на примере переводимого шестикратно стихотворения *w świetle lamp filujących* и стихотворения *taki mistrz*, у которого, кроме конкурсных, имеется несколько интернет-вариантов. В первом из рассматриваемых нами текстов замечаются соотношения со *Священным Писанием* и с творчеством Бруно Шульца. Это прямые указания, наблюдаемые, например, в случае упоминания местности Эмаус, или введения в стихотворение образа Иисуса, который кушает рыбу и хлеб, или же слов „Mane – Tekel – Fares”, но это также в какой-то степени ассоциативно расплывчатые отсылки, как в случае медового сота, который необязательно соотносить со Священным Писанием, хотя в данном случае он именно с ним и ассоциируется. Некоторые из этих ссылок, например, связанное с Шульцем: „Bruno” (Бруно), „poeta z Drohobycza” (поэт из Дрогобыча), или окказионально ассоциируемая с ним „przestrzelona głowa” (простреленная голова), кажутся польскому читателю очевидными. Однако, это может быть фальшивое убеждение, так как приводимые отсылки требуют от читателя некоторых знаний. Кроме того, имеются и неоднозначно интерпретируемые интертекстуальные элементы, такие как „znaki na ścianie” (знаки на стене), или „jego księga” (его книга). „Znaki na ścianie” являются и надписью „Mane – Tekel – Fares” (исчислено, взвешено, разделено), которая, согласно ветхозаветной *Книге пророка Даниила*, во время пира царя Балтасара была начертана рукой ангела Гавриила на стене вавилонского дворца и одновременно фреской, выполненной Шульцем в доме Феликса Ландау. В свою очередь, слова „jego księga” можно интерпретировать и как *Tora*, и как книги самого Шульца, прежде всего рассказ *Księga*, на что обращали внимание исследователи его творчества, например, Станислав Буркот²⁷.

Следует согласиться, что все переводчики буквально перевели явные библейские соотнесения. Во всех русских предложениях появились: Эммаус, Иисус, рыба, хлеб и мед. Однако у Окуня рыба и хлеб получили уменьшительную форму (рыбка, хлебушек), что придает тексту некоторый оттенок фамильярности, а у Кобринской Иисус ест не печеную, а запеченную рыбу, что, в свою очередь, превращает простую еду в более изысканную пищу. Стоит также заметить, что почти все переводчики транскрибировали слова Mane – Tekel – Fares, написав их кириллицей, лишь Виногорова и Полянская оставили их написанными латиницей. В случае последней из них, это соответствует комментарию переводчицы, которая, отметим, не пишет о появившихся на стене знаках, только о картинах:

²⁷ S. Burkot, *Spór o poezję*, „Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis. Folia 15 Studia Historicolitteraria” 2003, nr III, s. 145.

Т. Ружевич

pojawiły się na ścianie **znaki**
 poezja rysowana Bruna
 „Mane – Tekel – Fares”

Перевод Е. Полянской

на стене появились **картины**
 начертанная поэзия Бруно¹
 „Mane – Tekel – Fares”,

объясняя это следующим образом:

имеется в виду роспись на стенах комнаты дома Ландау в Дрогобыче, выполненная классиком польской литературы Бруно Шульцем незадолго до гибели и найденная случайно через много лет (в настоящее время тайно вырезана и вывезена в Израиль)²⁸

Это позволяет ей конкретизировать недосказанность текста Ружевича. Итак, „znaki” – „poezja rysowana” (знаки – рисованная поэзия) становятся „картинами – начертанной поэзией”), а комментарий оказывается не только объяснением, он также «переводит» нагрузку слов поэта с времен II Мировой войны в сегодняшний день, меняя таким образом созерцание реципиента. Среди остальных переводчиков, снабдить свой перевод комментарием решили еще Виногорова, поясняящая, что имя Бруно является именем Бруно Шульца²⁹ и переводческий дуэт Калявина-Ситницкий, которые в комментарии дают имя, фамилию, годы жизни польского писателя и замечают, что это был: „польский поэт, художник, литературный критик родом из Дрогобыча, застреленный нацистским офицером во время оккупации”³⁰. В свою очередь Кобринская воспользуется внутренним примечанием, вводя фамилию Бруно Шульца непосредственно в текст, предваряя ее информацией о знаках, которые родом из его же (Шульца) рисунков:

на стене появлялись **знаки**
родом из рисунков Бруно
Шульца мене текел фарес

По нашему мнению, это один из лучших выходов из затруднительного положения, так как даже читатель, не знающий, кем был Шульц, поймет, что Бруно не фиктивное лицо, и для этого ему не нужен „отягощающий” стихотворение комментарий.

²⁸ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перев. Е. Полянская...
 Комментарий к переводу в *światle lamp filijących*...

²⁹ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перев. В. Виногорова...

³⁰ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перев. Е. Калявина, А. Ситницкий...

В других переводах данного текста появились иного рода пояснения. Итак, Окунь пополняет его первую строку: „в свете коптящей лампы” примечанием:

„Я вижу в свете коптящей лампы, как он с огромной тенью от головы на стене покачивается в безмолвной медитации, присев на корточки среди подушек у большого резного изголовья кровати” – Бруно Шульц, *Коричневые лавки* (перевод Асара Эппеля)³¹,

являющимся, согласно указанию в скобках, русским переводом слов из *Sklepowy cynamonowuch* (*Коричневые лавки*), выполненным Асаром Эппелем. Данный фрагмент в подлинном тексте Шульца звучит: „Widzę go w świetle kopcającej lampy, przykucniętego wśród poduszek, pod wielkim rzeźbionym nadgłowieм łóżka, z ogromnym cieniem od głowy na ścianie, kiwającego się w bezgłośniej medytacji”³².

Цитируемый комментарий позволяет не только с первых слов текста ассоциировать стихотворение Ружевича с Шульцем, но и, благодаря отсылке именно к этой цитате, начало и последние стихи произведения польского поэта оказываются связанными в одно целое. Вспомним, что *w świetle lamp filujących* завершается образом тени простреленной головы, растущей в свете коптящей лампы. Таким образом тень головы на стене, также для реципиента целевого текста, становится тенью головы отца из *Коричневых лавок*, которую видел сын, но, кроме того, еще и тенью простреленной головы его сына – Бруно Шульца, растущей в воображении Ружевича:

Т. Ружевич
 widzę go
 w świetle lampy kopcającej
 z rosnącym cieniem
 przestrzelonej głowy
 na ścianie

Перевод В. Окуня
 и вот он
 в свете дымящей лампы
 распыляется тень
 от простреленной головы
 по стенке

Окунь пополняет свой перевод еще одним комментарием: „*Книга идолопоклонства* – цикл рисунков Б. Шульца”³³, обращая таким образом внимание на слова:

kiedy myślę o nim
 i jego księdze.

³¹ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перев. В. Окунь...

³² В. Schulz, *Nawiedzenie*, [w:] В. Schulz, *Sklepy cynamonowe*, 1996, s. 7, [w:] <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/sklepy-cynamonowe-nawiedzenie.html> (14 апреля 2019).

³³ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перев. В. Окунь...

Трудно определить насколько это настоящий, а насколько потенциальный намек, и насколько он свидетельствует о переводческих поисках Окуня. Книгу, о чем мы уже упоминали, можно считать святой книгой евреев – *Торой*, книгой Шульца, в том числе искомой им мифической „матерью всех книг”. Можно также соотносить ее с графическим циклом (*Книга идолопоклонства*), созданным художником в годы 1920-1922.

Последним текстом Ружевица, на который мы обратим внимание, учитывая появившиеся в нем интертекстуальные элементы и комментарии, является ассоциируемый с Циприаном Камилем Норвидом *taki to mistrz*. Об упомянутых соотношениях исследователи писали довольно часто³⁴, поэтому, как и в предыдущем случае, мы не будем заниматься анализом польского стихотворения, рассматривая одни переводы.

Taki to mistrz перевели четыре лауреата интересующего нас конкурса, но на сайте проекта „Музыка перевода” можно найти еще два переложения этого стихотворения на русский язык. Один из них, авторства Андрея Чепелюка, – это, кстати, рифмованный вариант, а второй, помещаемый на том же сайте в виде ответа Чепелюку, является предложением Владимира О. – того же Окуня, победителя конкурса, чьи переводы мы уже рассматривали. Кроме того, в Интернете появились и другие варианты стихотворения *Taki to mistrz*, которые в настоящей статье не будут рассматриваться.

Итак, возвращаясь к интертекстуальным элементам интересующего нас произведения, стоит отметить, что Норвид, среди переводчиков которого следует упомянуть поэтов Леонида Мартынова, Владимира Корнилова, Иосифа Бродского, Давида Самойлова, Анатолия Гелескула³⁵, известен в России, однако, не в такой степени, которая позволила бы читателю четко осознавать, что в стихотворении Ружевица (или любого другого поэта) появились слова, взятые из текстов польского романтика, а тем более отсылки к ним. Оттуда и появившиеся комментарии к переводам стихотворений Ружевица, указывающие на творчество Норвида. Однако, не все переводчики воспользовались комментариями, и не все интертекстуальные соотношения с Норвидом поясняются в них правильно.

Интересующие нас примечания найдем у Кобринской, которая объясняет своему читателю, что слова „*Z rzeczy świata tego zostaną tylko dwie, Dwie tylko: roezja i dobroć... i więcej nic*” у Ружевица являются цитатой из Норвида и, что она сама использовала в своем варианте этого текста перевод, выполненный Анатолием Гелескулом:

³⁴ См. напр.: К. Gutkowska, *Gra Mistrzów. Różewicz i Norwid*, [w:] tejsze, *Intertekst. Historia i auto (ironia). Szkice o twórczości Tadeusza Różewicza*, Wyd. UŚ, Katowice 2012, s. 17-21; A. Bagajewski, *Norwid Różewicza*, [w:] tegoż, *Obecność romantyzmu*, Wyd. UMCS, Lublin 2015, s. 178-182.

³⁵ Ц.К. Норвид, *Стихотворения*, Художественная литература, Москва 1972; Ц.К. Норвид, *Пилигрим, или последняя сказка*, Вахазар – Рипол-Классик, Москва 2002.

Отсылка к хрестоматийным строкам Циприана Камиля Норвида „Z rzeczy świata tego zostaną tylko dwie, Dwie tylko: poezja i dobroć... i więcej nic” (в переводе Анатолия Гелескула – „Все на земле проходит, остаются лишь поэзия и доброта – и только они”³⁶).

Ниже приводится рассматриваемый отрывок из стихотворения Ружевича и соответствующее ему переложение Кобринской:

Т. Ружевич

usiłuje sobie przypomnieć
co miało pozostać
z rzeczy tego świata
poezja i miłość

a może poezja i dobroć
bezzębny przeżuwa słowa
dobroć chyba dobroć
i piękno?
a może miłosierdzie?

Перевод С. Кобринской

пытается вспомнить
что именно
должно было остаться
на земле

поэзия и любовь?
а может поэзия и доброта?*

беззубо пережевывает слова
вроде бы доброта
и красота?
а может милосердие?

Автор русского текста не указывает заглавие произведения Норвида, к которому отсылают отмеченные ей слова, хотя, как нам кажется, если она решила дополнить перевод комментарием, следовало поместить в нем и указание на происхождение интертекстуальной ссылки Ружевича, а именно на *Do Bronisława Z.* Норвида, где интересующие нас слова звучат:

**Z rzeczy świata tego zostaną tylko dwie,
Dwie tylko: poezja i dobroć... i więcej nic**
Umiejętność nawet bez dwóch onych zbiejdnieje w papier.
Tak niebłahą są dwójką te siostry dwie!...³⁷.

Вторая переводчица, Чалая помещает в переводе ошибочный комментарий к словам: „они уносятся с планеты ввысь”, считая слова Ружевича „te odlatują z planety” цитатой из стихотворения *Fortepian Chopina*: „Цитата из стихотворения польского поэта Циприана Норвида (1821-1883 гг.) *Fortepiano Chopina*”³⁸. На самом деле данные слова взяты из стихотворения *Do zesłej*:

³⁶ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. С. Кобринская...

³⁷ С.К. Norwid, *Do Bronisława Z.*, [w:] Т. Pini (red.), *Biblioteka poetów polskich*, t. V. *Dzieła Cypriana Norwida*, Warszawa 1934, s. 157.

³⁸ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перевод. О. Чалая...

Tam stopy dwie, gwoźdźmi przebite,
 Uciekające z planety...³⁹.

Зато к стихотворению *Fortepian Chopina* отсылают в рассматриваемом нами стихотворении Ружевича и заглавное „taki to mistrz”, и слова „gra choć odpycha”, а также „zobaczyć Warszawę”:

Czy taki Mistrz!... że gra... choć odpycha?...”
 Oto – patrz, Fryderyku! To Warszawa⁴⁰,

но об этом не упоминает ни один из лауреатов конкурса.

Следует отметить, что обширные комментарии, касающиеся цитат из Норвида, помещает в своем интернетном и «неконкурсном» переводе Владимир О.⁴¹, объясняя при случае значение интертекстуальных связей произведения Ружевича и творчества Норвида другому переводчику стихотворения *taki to mistrz* – Чепелюку⁴².

Владимир О., как и Кобринская, указывает на соотнесенность с *Do Bronisława Z.*, но приводя отрывок перевода Самойлова: „Из ценностей этого мира останутся две наивысших – /Две только: поэзия и доброта...” и, ссылаясь на этот перевод, замечает, что именно оттуда взяты и две сестры⁴³, про которые Чепелюк писал: „Я когда переводил, то решил, что это та, другая, послевоенная Варшава (учитывая биографию Ружевича), а Владимир О. говорит вот, что нет никакой сестры... загадка)”⁴⁴.

Владимир О. замечает также ссылки на *Fortepian Chopina*, приводя, как и прежде, вариант Самойлова: „Начал ли он играть? Или нас отвергает?” и на *Do zeszelej*, предлагая свой перевод: „Пробитые гвоздями две ступни – /Туда бегом бегут с планеты.../Там – сонмы слов моих; летит и это”. Кроме того, он относит слова „zaciemnia aby wujaśniać” к высказыванию из прозы Норвида (*Białe kwiaty*). В данном случае он пользуется переводом Андрея Бабанова. В свою очередь, отвечая на вопрос одного из читателей, объясняет, что желчь и уксус взяты из Нового Завета⁴⁵. Несомненно, Окуня следует признать самым сведущим переводчиком – комментатором, который благодаря своим объяснениям доказывает и свою вовлеченность в выполняемый перевод.

Заканчивая рассуждения о комментариях к рассматриваемому переводу, стоит еще обратить внимание на слова Полянской:

³⁹ С.К. Norwid, *Do zeszelej*, [w:] T. Pini (red.), *Biblioteka poetów polskich...*, s. 149.

⁴⁰ С.К. Norwid, *Fortepian Chopina*, [w:] T. Pini (red.), *Biblioteka poetów polskich...*, s. 138.

⁴¹ Владимир О., 2013, *Музыка перевода*, [в:] <http://mustran.ru/2013/work/1870> (16 апреля 2019).

⁴² А. Чепелюк, 2013, *Музыка перевода*, [в:] <http://mustran.ru/2013/work/1870> (16 апреля 2019).

⁴³ Владимир О...

⁴⁴ А. Чепелюк...

⁴⁵ Владимир О...

полагаю, что литературный перевод „rzeczy świata tego” может быть именно таким [сущности этого мира / от целого мира – А.В.], потому что в польском языке слово „rzecz” является гораздо более многозначным, нежели прямой русский перевод „вещь”. Но переводить это словосочетание как „из главного (основного) в этом мире)” нельзя, так как для этого в польском языке имеются другие слова и сочетания⁴⁶.

Если оставить в стороне непонятные, с нашей точки зрения, слова о „других словах и сочетаниях”, заметим, что цитируемое высказывание относится к двум отрывкам стихотворения Ружевича, где повторяется, модифицируемая в небольшой степени (последовательность слов) формулировка „z rzeczy świata tego” и „z rzeczy tego świata”. Полянская меняет их словами „из сущностей этого мира” и „от целого мира”. Разница небольшая, однако в русском тексте нет повторения. Более того, если в подлиннике старый поэт задумывается о том, что **осталось** от вещей этого мира (z rzeczy świata tego), так как что-то ведь **должно было** от них остаться и пытается вспомнить, **что это должно было быть**, то в переводе задается вопрос о том „что же **могло** сохраниться”, остаться от сущности мира. Итак, оказывается, что поэт пытается вспомнить не о том, что **должно было** остаться, а о том, что-же это **могло быть**.

Похожее на это модифицирование текста замечается и в описании состояния поэта, который у Ружевича пьян „snem winem”, а у Полянской он „хмельной от сна и вина”, у Ружевича „naprojonu zółcią i octem”, а у Полянской „напитанный”, что может прочитываться „накормленный (наполненный)”, но и „пропитанный (намоченный)”.

Стоит отметить, что в переводе Кобринской и Чалой поэт, так же как у Полянской, пьян сном и вином, в то время как Виногорова переводит данные слова буквально (сном вином), а Чепелюк предлагает здесь вариант „сном, как вином”⁴⁷. Вариант Владимира О. оказывается в данном случае самым фамильярным. Он применил здесь антонимический перевод, одновременно подтверждая понимание слов первоисточника, которые не указывают, что вызвало нетрезвость поэта – сон, или вино:

Не протрезвев
от сна ли от вина⁴⁸.

Ниже приводятся рассматриваемые нами отрывки стихотворения в переводе Полянской:

⁴⁶ Т. Ружевич, *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, перев. Е. Полянская...

⁴⁷ Т. Ружевич, *Такой это маэстро*, перевод. А. Чепелюк, 2013, *Музыка перевода*, [в:] <http://mustran.ru/2013/work/1870> (16 апреля 2019).

⁴⁸ Т. Ружевич, *Такой это маэстро*, перевод. А. Чепелюк...

Т. Ружевич *taki to mistrz*

budzi się
rozgląda dookoła
z rzeczy świata tego
powinno coś zostać
ale co?

stary poeta
usiłuje sobie przypomnieć
co miało pozostać
z rzeczy tego świata

Trochę pijany
snem winem
napojony żółcią i octem
stary poeta

Перевод. Е. Полянской *такой вот маэстро*

просыпается
смотрит вокруг
из сущностей этого мира
должно хоть что-то остаться
но что?

старый поэт
силится вспомнить
что же могло сохраниться
от целого мира

немного хмельной
от сна и вина
напитанный желчью
и уксусом
старый поэт

Интересно, что кроме нее только Виногорова перевела „rzeczy świata tego” как „сущности этого мира”.

Отметим также сходные с подлинником синтаксические перемещения, появившиеся в предложениях Кобринской, Чалой и Владимира О.:

Перевод С. Кобринской

на земле
что-то должно остаться

должно было остаться
на земле

Перевод О. Чалаи

из мирского суетного
чему-то суждено остаться

чему суждено остаться
из суетного мирского

Перевод Владимира О.

из ценностей этого мира
что-то ж должно сохраниться

чему полагалось остаться-то
из ценностей этого мира?

Обратим внимание на перевод Чалаи, которая вводит в текст элементы высокого стиля, ассоциирующиеся с религиозной речью. Имеются в виду слова „мирское суетное” и „суждено остаться”. Следует согласиться, что независимо от некоторого стилистического сдвига, данные слова вписываются в текст, который отсылает читателя к *Новому Завету* – к образу умирающего Христа и его напоению желчью и уксусом.

Кстати, не всем это понятно, например Виктор Райкин (переводчик с английского, польского и испанского), принимая участие в беседе касающейся перевода Чепелюка спрашивает: „Пока читаю, вопрос про «уксус»: в каком смысле поэт им напоен?”⁴⁹ и получает следующий ответ от Окуня: „Это библейское: Дали Мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом

⁴⁹ Виктор Райкин, 2013, *Музыка перевода*, [в:] <http://mustran.ru/2013/work/1870> (16 апреля 2019).

(Пс 68:22). И у Матфея: дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить (Мф.27:33)⁵⁰.

Возвращаясь еще к словам „rzeczy świata tego” заметим, что Чепелюк изменил смысл наблюдаемого у Ружеви́ча и упоминаемого нами удвоения с перемещением – сперва исключая из текста **вещи этого мира**, после он заменил их вещами, принадлежащими **тому миру**. По всему правдоподобию, переводчик ошибся из-за обманчивого звукового сходства польского „tego” (этого) и русского „того”:

Что-то остаться должно было.
 Что-то...
 Но что?

Что у него с **того света**
 осталось.
 Лишь вековая усталость?

Возможно также, что некоторые замечаемые в переводе Чепелюка изменения, точно также, как появившаяся в его тексте „усталость”, – это результат превращения стихотворения польского поэта в рифмованный текст. В таком случае „усталость” выполняет здесь роль рифмы к слову „осталось”. Это, кстати, не единственный случай пожертвования Чепелюком поэтическим словом Ружеви́ча с целью навязать свободному стиху польского поэта рифмованную схему. Завершая настоящие рассуждения, приведем слова, создающие в его тексте „интереснейшую” женскую рифму – пару: „кобра” – „доброй”:

Чтоб лучше увидеть Варшаву.
 Красивую, но злую,
 Опасную, как **кобра**...
 „Сестра” её страшнее,
 Но многое прощала,
 Она ведь была
доброй...

Учитывая „семантическую перспективу”, единственным оправданием данного переводческого решения является „отдаленная возможность” ассоциировать кобру с библейской змеей, но это кажется нам довольно рискованным.

Завершение

Так как российские переводчики довольно часто пытаются переводить свободный стих буквально, заменяя его подлинную лексику словарными эквивалентами, приступая к настоящим рассуждениям мы настраивались прежде всего на анализ перевода отдельных лексем, несмотря на отмечаемую нами насыщенность текста интертекстуальными элементами, реалиями и на сопутст-

⁵⁰ Там же, Владимир О.

вующие им комментарии. В целесообразности именно такого подхода к тексту перевода нас убедил спор, в который вступил один из лауреатов упоминаемого нами конкурса – Ситницкий и Лев Бондаревский. Они поспорили из-за перевода *Ballady bezludnej* Болеслава Лесьмяна. Ситницкий, отвечая на поздравления Бондаревского: „Поздравляю! С нём рождения и с хорошим переводом!”⁵¹ написал: „спасибо! хороший у вас вариант, а у меня адекватный оригиналу. Вы даже слово июнь не поняли, что об остальном говорит!”⁵².

Оказалось, однако, что благодаря поискам и комментариям переводчики могут пояснить для себя и объяснить читателю большинство неясных, неочевидных и „затемненных” мест подлинного текста. Среди рассматриваемых в статье переводческих комментариев имеются, правда, и такие, которые оказались ошибочными, или сомнительными, однако многие из них дополняют текст знаниями, необходимыми для понимания его смыслов, так как объясняют культурные различия, а также интертекстуальные отсылки к польской культуре, в данном случае к текстам Норвида. Здесь стоит обратить внимание на умелое использование современными переводчиками Ружевича существующих раньше русских вариантов стихотворений Норвида. Этой возможностью воспользуется, например, Владимир О. (Окунь). Он единственный, кто переводя слова „rzeczy świata tego” повторил вариант Самойлова – „ценности этого мира”, позволяя таким образом русскому реципиенту догадываться в Ружевиче Норвида, если, конечно, целевой читатель Ружевича читал произведения польского романтика в переводе Самойлова.

Исследуя недавно возникшие переводы, мы заметили и другие интересные решения нового поколения переводчиков, а именно:

1. введение Кобринской внутритекстового примечания, что позволило отказаться от комментария;
2. использование Окунем уменьшительной лексики, благодаря чему он достиг высшей степени фамильярности, что, в свою очередь, позволило указать более человечный образ Христа в *w świetle lamp filujących*;
3. использование Окунем антонимического перевода, что позволило воссоздать наблюдаемую в польском стихотворении недосказанность.

С другой стороны, на примере Чепелюка мы заметили тяготение русских переводчиков к традиционному стихосложению, что в случае Ружевича ведет к появлению абсурдных рифм и, последовательно, к уничтожению начертанной польским автором формы стихотворения. Однако этот вопрос нуждается в отдельных исследованиях.

Итак, завершая представленные выше рассуждения, следует констатировать, что сегодняшнее поколение переводчиков по новому подходит к переводу

⁵¹ Л. Бондаревский (Lebo35), „Livejournal” 2016, [в:] <https://alsit25.livejournal.com/177522.html#comments> (22 октября 2017).

⁵² А. Ситницкий (Alsit25), Там же.

и создает свой собственный образец творческой, переводческой работы. Этот подход отвечает новой действительности, так как цель перевода, его роль и выполняемые им функции меняются, соответствуя новому времени, о чем писал, например, Михаил Гаспаров, рассуждая о Самуиле Маршаке, переводившем Уильяма Шекспира:

Времена меняются, вкусы борются, эстетические идеалы колеблются; наступит пора, когда новое поколение захочет увидеть нового Шекспира, в котором главным будет то, что Маршак считал третьестепенным⁵³.

Среди этих новых функций перевода немаловажной оказывается познавательная (объясняющая), которой способствуют комментарии, недооцениваемые, считаемые даже доказательством проигрыша переводчика (особенно в случае стихотворного текста), а все-таки важные для понимания данного текста и часто оказавшиеся не только нужными, но и необходимыми.

И последнее уже, на что хочется указать, – это необходимость заняться осложнениями процесса перевода свободного стихотворения, что с нашей точки зрения является сегодня новым вызовом, прежде всего для российских переводчиков, привыкших к силлабо-тоническому стихосложению и к рифмованному стиху.

References

- Astaf'yeva N., Britanishskiy V. (red.), *Pol'skiye poety*, Moskva 1978.
- Bagajewski A., Norwid Różewicza, [w:] Bagajewski A., *Obecność romantyzmu*, Wyd. UMCS, Lublin 2015, s. 178-182.
- Bazilevskiy A. (red.), *Pol'skiye poety*, Moskva 1990.
- Bondarevskiy L. (Lebo35), „Livejournal” 2016, [v:] <https://alsit25.livejournal.com/177522.html#comments> (22 oktyabrya 2017).
- Burkot S., *Spór o poezję*, „Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis. Folia 15 Studia Historicolitteraria” 2003, nr III, s. 145.
- Vladimir O., 2013, *Muzyka perevoda*, [v:] <http://mustran.ru/2013/work/1870> (16 aprelya 2019).
- Gasparov M.L., Avtonomova N.S., *Sonety Shekspira – perevody Marshaka*, [v:] Gasparov M.L., *O russkoy poezii: Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki*, Sankt-Peterburg 2001, s. 408-409.
- Gutkowska K., *Gra Mistrzów. Różewicz i Norwid*, [w:] K. Gutkowska, *Intertekst. Historia i auto(ironia). Szkice o twórczości Tadeusza Różewicza*, Wyd UŚ, Katowice 2012, s. 17-21.
- Król S., *Poetyckie malowanie świata. Z Markiem Wawrzkiwiczem – poetą, tłumaczem, dziennikarzem, animatorem kultury, Prezesem Związku Literatów Polskich rozmawia Piotr*

⁵³ М.Л. Гаспаров, Н.С. Автономова, *Сонеты Шекспира – переводы Маршака*, [в:] М.Л. Гаспаров, *О русской поэзии: Анализ. Интерпретации. Характеристики*, Санкт-Петербург 2001, с. 408-409. Текст написан в соавторстве с Наталией Автономовой, однако цитируемые слова принадлежат Гаспарову.

- Stanisław Król*, red. nac. InterMOSTY, czerwiec 2010 r., [w:] http://salonik-literacki.pl/rozmowy_z.html (7 apryla 2019).
- Legeżyńska A., *Thumacz jako drugi autor – dziś*, [w:] A. Nowicka-Jeżowa, D. Knysz-Tomaszewska (red.), *Przekład literacki. Teoria – Historia – Współczesność*, Warszawa 1997, s. 20-30.
- Norwid C.K., *Fortepian Chopina*, [w:] T. Pini (red.), *Biblioteka poetów polskich*, t. V. *Dziela Cypriana Norwida*, Warszawa 1934, s. 138.
- Norwid C.K., *Do zeszelej*, [w:] T. Pini (red.), *Biblioteka poetów polskich*, t. V. *Dziela Cypriana Norwida*, Warszawa 1934, s. 149.
- Norwid C.K., *Do Bronisława Z.*, [w:] T. Pini (red.), *Biblioteka poetów polskich*, t. V. *Dziela Cypriana Norwida*, Warszawa 1934, s. 157.
- Norvid Ts.K., *Stikhotvoreniya*, Khudozhestvennaya literatura, Moskva 1972.
- Norvid Ts.K., *Pilgrim, ili poslednyaya skazka*, Vakhazar – Ripol-Klassik, Moskva 2002.
- Okun', 2013, [v:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Vladimir-OKUN''-Samara.pdf> (4 maja 2019).
- Ordanskiy V., „Novaya literatura. Khudozhestvenno-literaturnyy zhurnal”, [v:] <http://newlit.ru/~ordanskiy> (4 maja 2019).
- Ordanskiy V., „Setevaya slovesnost”, [v:] <https://www.netslova.ru/ordanskiy>.
- Polyanskaya E., *Pol'skiy Peterburg. Duel' ili dialog?, S Ekaterinoy Polyanskoj, avtorom pyati poeticheskikh knig, laureatom neskol'kikh premij, beseduyet Natal'ya Perevezentseva*, „Kogita!ru” 2013, [v:] <http://www.cogita.ru/polskii-peterburg/intervyu/duel-ili-dialog>.
- Raykin V., 2013, [v:] <http://mustran.ru/2013/work/1870>.
- Ruzhevich T., *Bespokoystvo (Stikhi)*, Moskva 1963.
- Ruzhevich T., *Stikhi*, „Inostrannaya literatura” 1978, nr 5, s. 3-11.
- Ruzhevich T., *Izbrannoye (Poemy, p'yesy, proza)*, Moskva 1979.
- Ruzhevich T., *Izbrannaya lirika*, perevod. Vl. Burich, Moskva 1980.
- Ruzhevich T., *Na poverkhnosti poemy i vnutri*, Wrocław 2001.
- Ruzhevich, T. *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, perevod. V. Okun', 2013, [v:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Vladimir-OKUN''-Samara.pdf>.
- Ruzhevich T., *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, perevod. L. Oborin, 2013, [w:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Lev-OBORIN-Moskva.pdf>.
- Ruzhevich T., *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, perevod. A. Vekshina, 2013, [w:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Anastasiya-VEKSHINA-Moskva.pdf>.
- Ruzhevich T., *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, perevod. V. Vinogorova, 2013, [w:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Vera-VINOGOROVA-Sankt-Peterburg-Belostok.pdf>.
- Ruzhevich T., *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, perevod. S. Kobrinskaya, 2013, [v:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Sof'ya-KOBRINSKAYA-Odessa.pdf>.
- Ruzhevich T., *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, perevod. E. Polyanskaya, 2013, [v:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Ekaterina-POLYANSKAYA-Sankt-Peterburg.pdf>.

- Ruzhevich T., *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, perevod. O. Chalaya, 2013, [w:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Ol'ga-CHALAYA-Vrotslav.pdf>.
- Ruzhevich T., *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, perevod. E. Kalyavina, A. Sitnitskiy, 2013, [w:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Elena-KALYAVINA-Kiyev-i-Aleksandr-SITNITSKIY-Maunteyn-V'yu-SSHA.pdf>.
- Ruzhevich T., *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, perevod. Ya. Ananko, G. Kirshbaum, 2013, [w:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/YAroslava-ANANKO-Minsk-Berlin-i-Genrikh-KIRSHBAUM-Berlin.pdf> (4 maja 2019).
- Ruzhevich T., *Wiersze na konkurs na przekład wierszy Tadeusza Różewicza*, perevod. Rusanov, 2013, [w:] <http://zawolnosc.eu/wp-content/uploads/2014/01/Konstantin-RUSANOV-Nikolayev.pdf>.
- Ruzhevich T., *Takoy eto maestro*, perevod. A. Chepelyuk, 2013, *Muzyka perevoda*, [w:] <http://mustran.ru/2013/work/1870> (16 aprelya 2019).

NOTA O AUTORCE

Prof. zw. dr hab. Anna Bednarczyk – Uniwersytet Łódzki, Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki, Zakład Przekładu i Dydaktyki.

Monografie: *Wysocki po polsku. Problematyka przekładu poezji śpiewanej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 1995; *Wybory translatorskie. Modyfikacja tekstu literackiego w przekładzie i kontekst asocjacyjny*, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 1999; *W poszukiwaniu dominanty translatorskiej*, PWN, Warszawa 2008; *Поэзия Сибири на переломе эпох (очерки о романтике и политике)*, Wyd. UŁ, Łódź 2012; *Zmagania z przekładem w przestrzeni rosyjskojęzycznej (teoria i praktyka w ewolucji)*, Wydawnictwo UG, Gdańsk 2016; *Analiza pretranslatorska tekstu jako pierwszy etap tłumaczenia poetyckiego*, Wyd. UŁ, Łódź 2019.

ORCID: 0000-0003-2761-8647

E-mail: anna.bednarczyk@uni.lodz.pl